

ГРАНД ДЖОРДЖ

ДРУГОЙ МИР
СТЕПНАЯ
УГРОЗА

Другой мир

Джордж Гранд

Другой мир. Степная угроза

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Гранд Д.

Другой мир. Степная угроза / Д. Гранд — «Мультимедийное издательство Стрельбицкого», — (Другой мир)

ISBN 978-0-89-000631-3

Цивилизованному человеку, который попал в Другой Мир, предстоит узнать о себе многое. Особенно, если судьба не оставляет тебе ни малейшего шанса на спокойную и безмятежную жизнь. Если у тебя отобрали самое ценное и дорогое, будешь ли ты отчаянно мстить? Или вспомнишь о пресловутом гуманизме и пойдёшь другой дорогой? А, может быть, ты просто сломаешься, ведь за свои идеи, собственность и чувства так сложно бороться со всем миром, миром, погрязшем в средневековом безумии.

ISBN 978-0-89-000631-3

© Гранд Д.
© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

Предисловие	5
Глава 1	7
Глава 2	17
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Гранд Джордж ДРУГОЙ МИР СТЕПНАЯ УГРОЗА

Предисловие

Просыпаться мне не хотелось. Но настойчивые звуки пробивались сквозь пелену сна, мешая погрузиться в него навсегда. Когда проснулось моё сознание, глаза мои оставались закрытыми. Кто я? Где я?

Последнее из того, что я помнил, были звёзды. Я стремился к ним, летел в бесконечность космоса, точнее даже не я, а моё сознание. А где было тело, спросите вы? Мне и самому хотелось бы это знать, ведь сейчас я снова ощущал себя внутри него. Это ощущение мне не понравилось, поэтому я переключился на предрассветное время, в тот момент, который ещё оставался в моей памяти, когда моё сознание готовилось покинуть брненное израненное стрелами тело.

Первое воспоминание об этом, столь же яркое как солнце, но столь же далёкое, словно небо от земли, прорезалось красочной картинкой: был бой, после перестрелки, когда враг подобрался к нашей позиции, а у меня разрядился арбалет, я взялся за саблю и щит, чтобы встретить атаку кочевников. А затем меня подстрелил Зверь – командир вражеского конного отряда. Я пытался добраться до него, но не смог бы этого сделать, если бы не Святослав. Скромный и молодой парень в тот момент в очередной раз был моим трусливым напарником. Он постоянно прятался за своим ростовым щитом, боялся высунуться и умереть. Поэтому Святослав только и делал, что заряжал для меня арбалеты.

Когда я добрался до злодея, то сам был почти мёртв. Мой враг, Зверь, я это точно помнил, оказался мёртвым – с собственным ножом в глазнице. А я, теряя сознание, проливая кровь из всех своих ран, должен был вскоре составить ему компанию. Однако, что-то пошло не так, сознание, которое уже удалялось от моего тела, по какой-то причине вернулось обратно.

Я знал только одну причину, которая могла бы воспротивиться моему упокоению, и эта причина – Василий, мой земляк, мой товарищ по несчастью, попавший вместе со мной в Другой мир! Я попытался зацепиться за это воспоминание. Что я помнил о нём? Он был молодым аспирантом, учёным, который помогал профессору создавать телепортер. Именно Василия я вытащил с того света. Этого товарища я спасал дважды, и он, видимо, решил вернуть мне долг. Только этот блестящий ум из того, родного, современного мира, что остался в нашей прошлой жизни, мог запустить процесс выздоровления моего израненного тела, недоступный аборигенам этого отсталого мира. В этом средневековом мире, который мы называли Другим миром, ещё не было умелых хирургов, не было тут и сильнодействующих лекарств, переливания крови и прочих достижений науки и медицины. Мы попытались адаптироваться к новому миру, привнеся в него немного своих знаний и частичку гуманизма. И Другой мир принял нас, как родных, с почётом, одаривая нас удачей и богатством. Но удача это женщина ветреная, её настроение переменчиво и непостоянно. Когда она повернулась ко мне своей прекрасной пятой точкой, я оказался на грани жизни и смерти.

Я готов был ко всему, в том числе к окончанию своего жизненного пути, но в моём сознании всё ещё были люди, ради которых стоило побороться за свою жизнь.

Звуками, которые разбудили меня, оказался женский плач где-то рядом. Пахло лекарствами и травами. Сил открыть глаза у меня не было, я чувствовал сильную усталость, и даже не заметил, как снова провалился в сон.

Глава 1

Во второй раз я проснулся от того, что рядом со мной разговаривали, причём разговаривали на повышенных тонах. Мужской голос, басовитый, настойчивый, уверенный в своей правоте чего-то требовал. Женский голос, измученный, слабый и неуверенный вяло сопротивлялся.

– Ну, что ты тут делаешь? – Этот мужской голос показался мне знакомым. – Посмотри, от него остались кожа да кости!

– Он живой! – Женский голос всхлипывал, кажется, этот голос и сам не верил в то, что говорил. – Он дышит!

– Что с того, дочка!? Если он не станет кушать, то вскоре умрёт, как умирает от голода старый одинокий волк, который потерял все свои зубы! Да только как твой Игорь будет кушать, если всё время спит!? – Мужской голос сменил тон, сейчас в нём появилась забота и беспокойство, но явно не обо мне. – А ты ещё молодая, тебе надо подумать о том, как жить дальше! Посмотри на себя, ты вся похудела! Лица на тебе нет!

– Мастер Василий сказал, что пока он дышит, нужно верить! – Возразила женщина, продолжая всхлипывать.

– Больно много понимает твой мастер! – Возразил мужчина, а последнее слово так вообще произнёс жутко кривляясь. – Я бы тоже хотел, чтобы твой Игорь поправился, но я в жизни многое повидал, доча! Не живут такие ранетые, сколько не лежи – умирают! Пойдём во двор, на солнышко выйдем! Тебе бы свежим воздухом подышать, а?!?

– Я никуда отсюда не уйду! – Заупрямилась женщина и заплакала, а я опять провалился в сон.

Проснулся я оттого, что кто-то совершенно бесцеремонно вливал в меня какую-то сладковатую жидкость. Первое, что мне вспомнилось в этот момент, были слова того нагловатого мужика о том, что если я не стану есть, то вскоре умру. Я стал жадно глотать, ручеёк с жидкостью увеличился. Мне надо есть, чтобы поправиться, думал я, но, к сожалению, быстро устал даже от таких простых действий и закашлялся.

– Марфа! Марфа! – Заорали у меня над ухом сразу два женских голоса, один из которых показался знакомым, но я опять провалился в сон. Мне снилась битва с вражескими стрелками. Раз за разом, волна за волной они, облачённые в кожаные лёгкие доспехи и такие же наручи, накатывались на меня и какого-то парнишку, который перезаряжал наши арбалеты. Потом меня ранили, подстрелили хищной стрелой. Я беззвучно кричал и плакал от боли, потому что мой рот не мог открыться, он меня не слушался, как не слушались меня мои ноги и руки. А потом я проснулся.

Я точно помнил, что вижу этот не блещущий разнообразием сон с пугающей частотой. Сейчас, в отличие от всех прошлых случаев, я осознал, что самым ужасным в этом повторяющемся сне было то, что врагов, специфической наружности с раскосыми глазами, никогда не становилось меньше, а болты к арбалету всегда заканчивались в самый неподходящий момент. Потом меня, как обычно, убивали, причём без шансов с моей стороны, потому что убивали меня стрелами, почти в упор.

Очередное моё пробуждение состоялось глубокой ночью. Не могу с уверенностью утверждать, что это произошло в тот же день. Вокруг было очень тихо, темно и тепло. Я проснулся сам, не понимаю, отчего это случилось. Захотелось открыть глаза, и я попытался их разлепить. Не сразу, но мне это удалось. В темноте я не смог ничего разглядеть, только женскую голову на своей кровати. Красивое измученное лицо спящей девушки было повернуто в мою сторону, оно пробудило во мне воспоминания о чувствах, которые я к ней испытывал. Похоже, она

уснула у моей кровати, словно мой ангел хранитель. Я, попытался позвать её, но вместо этого ощутил противный вкус во рту, а затем снова провалился в мир грёз. Но на этот раз мне снились глаза и губы моего ангела. Нежные поцелуи, жаркие объятия, наши тела переплетаются, а потом мы счастливые уходим в ночь.

Следующее моё пробуждение произошло днём. Я услышал уже знакомые голоса и проснулся. Полностью открыть глаза было сложно, они слиплись, покрылись засохшей коркой. Когда я их разлепил, то увидел ту часть комнаты, где у выхода стоял Васька!

– ... как только проснётся! – Расслышал я, как он втолковывал что-то каким-то женщинам. – Вы должны быть готовы накормить его бульоном! И бульон должен быть всегда тёплым!

– Пить! – Простонал я, еле слышно. Но они каким-то непостижимым образом меня услышали, все трое бросились к моей кровати.

– Ожил бродяга! – Смеялся Васька, Олеся поливала моё лицо своими слезами и содрогалась от рыданий у меня на груди.

– Дай скорее ему поесть! – Заявил мой земляк, оттаскивая девушку от моей тушки. – Олеся! Не мешай сиделке, дай покормить Игоря, ведь ему поправляться надо!

Женщина в белой форме, которую пошили для работников больницы, видимо, медсестра, села у моей кровати и с сомнением протянула мне ложку с бульоном.

Если честно, мне просто хотелось пить. Кушать мне не хотелось, но я понимал, что без еды не запустить процесс восстановления моего организма. Я послушно, но с большим трудом разлепил губы, тогда медсестра стала кормить меня с ложечки как младенца. В какой-то момент бульон показался мне божественным нектаром, лучше которого я в жизни ничего не пробовал. На каком этапе я снова уснул – не помню!

Дальше процесс моего выздоровления пошёл быстрее. Вначале Васька запрещал давать мне что-либо кроме бульона. Затем постепенно стал разрешать другое питание. Когда в маленькую комнату, которую с трудом можно было назвать палатой, стали приходить гости, пахнущие то углём и дымом, то хлебом и специями, то ещё чем-то, я уже мог немного слушать их и даже иногда кивал или мотал головой. Говорить я начал через неделю, когда достаточно для этого окреп.

Тем временем посетители приходили ко мне с разными новостями. От них и от Олеси я узнавал о том, что происходит в посёлке.

Во время осеннего боя в утреннем лесу почти полностью погибла полусотня, которой я командовал. Необученные военным действиям две бригады шахтёров, конюхи и возничие были практически уничтожены, прежде чем подросли другие ополченцы. Погиб также Семён – первый помощник Василия. Этот умный и позитивный человек оставил после себя только светлые воспоминания. Теперь место правой руки Василия занял Григорий – наш кузнец. Из моей полусотни в живых осталось лишь пятеро, включая меня. Остатки вражеских сил были уничтожены подошедшими с флангов соседними полусотнями во главе с нашими сержантами.

За время пока я находился в беспомощности, крупный приток беженцев потряс наше поселение ещё один раз, когда прибыло новое пополнение численностью в пять сотен поселенцев. Это случилось на следующую неделю после моего последнего боя, тогда население Игвы перевалило за двенадцать сотен человек.

С тех пор в Междуречье сохранялось относительное спокойствие. Наступила зима и последние оставшиеся вражеские диверсанты, ещё до её прихода, покинули герцогство или не показывались никому на глаза. Воевода Мстислав восстанавливал заставы на Кристальной реке. Все вокруг готовились к холодам и война затихла. В Игве царила беспечность и надежда, что теперь настанет мир.

Герцог продолжал скупать наше оружие, Игва процветала, регулярно получая заказы и в Междуречье, и в Кварте. Захар, наш торговый представитель прекрасно справлялся со своей задачей. Сейчас у него было два помощника в его торговых делах, а также он, по введённой

мною традиции, держал при себе двух учеников. Его жена Лидия, добрая и скромная женщина, вела успешную торговлю в нашей продуктовой лавке. Ростислав силами своих двух больших лодок помогал нашей торговле. Молодой лавочник Митрофан женился на молодой девице, что помогала ему в его работе. Бойкая девчонка лихо торговалась, что с поселенцами, что с гостями. В наш постоянный двор теперь постоянно наведывались купцы со всех уголков страны. По реке время от времени приходили лодки из Тура и даже из Кварта. Наш корабельщик под руководством Василия почти достроил речную ладью. Василий соорудил и установил на ней два скорпиона. По одному на корме и на носу.

Новых набегов на Междуречье не было, поэтому поток беженцев иссяк. Те пять сотен, что прибыли в наш посёлок были поселены в новые общинные дома нашего посёлка. Таких домов теперь стало двенадцать.

Вакантное, в связи с моим ранением, место старосты занял Светозар. Многие хотели видеть в качестве старосты моего товарища Василия, но тот категорически отверг это предложение. Светозар, построив для прибывших беженцев общинные дома, развернул крупномасштабное строительство в частном секторе. Первым делом он отстроил два громадных двухэтажных дома: для себя и для Васьки. Затем построил неплохие дома для Григория, Захара и Лидии, Митрофана с его большой семьёй, Павла, Всеволода, Алевтины, Марфы, Спиридона, Пантелеймона и Вячеслава. А затем взялся за дома для бригадиров. Сейчас в посёлке насчитывалось более двух десятков домов в третьей зоне. Строительство велось за счёт денег, выделенных из поселковой казны. Производственных и инфраструктурных построек не возводили, зато закончили все те, что мы планировали ещё при мне.

Все силы Василия уходили на поддержание в рабочем состоянии существующего уровня производства, а также на моё лечение. Развитие производства в посёлке ограничилось тем, что все рабочие места были заняты, всё место в цехах полностью было использовано для производства и складирования продукции.

Накануне зимы были установлены столбы с южными и северными воротами. Пока это были только ворота, а вокруг них не было никаких стен. Но и этого Светозар не соизволил бы сделать, если бы не приезд Мстислава с представителем герцога Малеха. Они отметили небывалый прогресс поселения. Также сообщили, что если посёлок перевалит за две тысячи жителей, то получит статус города. Отсюда вытекало, что можно было бы собирать таможенные сборы на въезде в будущий город, но для этого нужны были ворота и обученные стражники.

После визита высоких гостей к нам прибыл сборщик податей. Подсчитав количество зданий, он обратился к Светозару за деньгами. Игва заплатила из своей казны баснословную сумму денег, как за производственные, так и за жилые здания. Казна ненадолго опустела.

Главной статьёй затрат Игвы стали частные дома, которые финансировал Светозар. Много тратилось на жалование работникам администрации и инфраструктуры, а также на пенсионное содержание. Поэтому пока я лежал в больнице, много думал над тем, как буду решать накопившиеся проблемы, как буду бороться с финансовым и социальным дисбалансом, который возник без моего руководства. Ну, и вообще старался думать о том, как буду дальше развивать посёлок.

Но я поправлялся медленно. Впервые рассмотрев свои руки, я обнаружил, что от них практически осталась лишь жёлтая сморщенная кожа да проступающие сквозь неё кости. Через две недели, когда за окном пошёл густой мокрый снег, я уже мог ходить.

– Тебе нельзя вставать! – Попыталась было возмутиться Олеся, но я естественно был другого мнения. Прележав так долго в кровати, я жаждал свободы перемещения. Мне до чёртиков надоела больничная палата.

Когда я упал на втором шаге, с пола меня поднимали силами всего женского коллектива больницы, который сбежался на вопли перепуганной Олеси.

Моя невеста всё своё время проводила рядом с моей кроватью, забросив школу и другие дела. Меня это и радовало, и одновременно огорчало. А ещё меня беспокоил тот факт, что из видного жениха, я превратился в полуживой скелет. Я потерял около пятнадцати килограмм своего веса. Но Васька говорил, что во всём надо искать позитивную сторону медали.

– Что же позитивного в том, что я так выгляжу!?! – Спросил я его.

– Так благодаря тебе в нашей больнице случился прорыв! Медсёстры, лекари и сама Марфа тебе благодарны за предоставленную возможность! – Васькины глаза блеснули озорными огоньками. – Ведь по тебе можно было анатомию изучать!

– Ах, ты ж... – я запустил в него подушкой, но она не долетела до шутника. Он со смехом вышел в коридор. Похоже, моя слабость его забавляла. Раньше-то всё было наоборот. Хотя нет, кажется, я над ним и его слабостью не потешался. Помню, как лично выкармливал его похудевшую тушку, вливал в него ложечкой супчик, когда он восстанавливался от своей раны, а потом ещё неоднократно лечил его от горячки.

Прошло ещё две недели, и я уже мог спокойно двигаться и ходить без посторонней помощи. Я вернул себе часть своей мышечной массы и теперь старался придать телу былую силу и ловкость. Тогда же мне удалось покинуть своё заточение в больнице. Марфа вяло сопротивлялась этому, но ничего поделать со мной не смогла. Кроме того, я ей надоел, постоянными запросами: то книгу принеси, то вдруг захотелось чего-нибудь вкусенького. И ведь главный врач нашей больницы могла бы мне отказать, но я действовал хитро и дальновидно, потому что мою просьбу всегда озвучивала Олеся, отказать которой не смел никто.

Тяжелее всего мне пришлось, когда моя любимая завела разговор о том, где я буду жить после больницы. Она настаивала на том, чтобы я поселился в доме Светозара, где у Олеси имелась большая и светлая комната на втором этаже. При этом она смотрела на меня своими тёплыми добрыми карими глазами. Но я отказывался подчиняться этому её желанию.

– Как это будет выглядеть!?! Мы ведь даже не женаты и будем жить в одной комнате? – Сопrotивлялся я.

– А ничего, что я беременна от тебя? – Обиделась Олеся.

– Беременна? – Меня будто обухом по голове ударили. Олеся беременна, а это значит, что я стану отцом. – Я стану отцом!?

– Ты что не рад?! – Я заметил, как в её глазах назревают первые признаки грядущих слёз.

– Ну, конечно, я рад! – Я попробовал изобразить радость. И радость во мне, конечно, была. Вот только кроме радости во мне была масса других противоречивых чувств. Я никак не мог разобраться с ними, эти ощущения меня сбивали с толку. Я был совершенно не готов к тому, что стану отцом. Нет, я понимал, что это когда-нибудь произойдёт, но я думал, что это случится как-нибудь потом, но не сейчас. Блин! Моя женщина всё ещё недоверчиво и с подозрением смотрела на меня, ожидая проявления моих бурных чувств. Я улыбнулся и защебетал. – Я очень рад, милая! Очень!

Я быстро обнял её, чтобы она не заметила моего смущённого выражения лица.

– Я уже думала, что ты оставишь меня в таком положении, – она всё-таки захныкала, – и сбежишь от меня!

– Куда сбегу? – Удивился я.

– В могилу! – Она расплакалась у меня на груди. Я вдохнул приятный аромат полевых цветов и трав, который исходил от её волос, а потом, как умел, утешал её. Раньше мне не приходилось заниматься этим делом со своими случайными подругами. А с беременными – тем более! Поэтому моя любимая иногда смеялась над моими неуклюжими попытками угодить ей.

И всё же мне удалось избежать совместного проживания с Олесей в доме Светозара. Почему-то не лежала у меня душа к этому. Нет, не из-за моей возлюбленной, а из-за нового бородатого старосты. Я чувствовал напряжение, которое возникло между нами. Мне казалось, что Светозар не спешит возвращать мне должность старосты. Это же главной темой звучало в

каждом его посещении моей палаты. Заходил он, кстати, редко и находился возле меня крайне мало. Его интересовали только две вещи: сроки моего выздоровления и дата, на которую можно было бы назначить свадьбу.

Когда я, наконец, вернулся к себе домой, а точнее открыл дверь своей комнаты в здании администрации, то почувствовал себя гораздо лучше. Тут я был полноправным хозяином. Я принялся за уборку ужасно запущенной комнаты, здесь накопилось много пыли, воздух застоился, отдавало плесенью и сыростью.

Чтобы хоть как-то побороть этот запах, выгнать лишнюю влагу из комнаты, я впервые по-настоящему растопил печку. Когда в комнате стало теплее, я стал изучать свои бумаги с планами на будущее. Мне не верилось в то, что посёлок оставят в покое. Я был уверен, что весной война перейдёт в новую фазу противостояния – вторжение вражеских войск неизбежно. Следовало обеспечить защиту посёлка, обнести его стенами по всему периметру. Титанический труд требовал больших усилий со стороны поселенцев уже сейчас, пока ещё была возможность справиться с таким огромным объёмом работы.

Я хотел побыстрее решить вопрос со строительством стены, поэтому на протяжении недели я просил Светозара организовать собрание руководителей, но тот всё затягивал и затягивал его под разными надуманными предложениями, утверждая, что мне следует поберечь себя и не торопиться. Наконец, я отыскал краснощёких подростков Славку и Володьку, сообщив им, что настало время вспомнить о своих обязанностях.

Посыльных пришлось отвлекать от важного дела: у них была война с девчонками. Обе стороны отстроили себе снежные крепости в два роста высотой и теперь занимались тем, что поочередно пытались штурмовать их. С неохотой веснушчатые мальчишки выслушали мою просьбу, пожаловались на Марфу за то, что она не пускала их ко мне, а потом всё же отправились разносить мои сообщения.

Днём, узнав о том, что я собираю собрание руководителей поселения, прибежал Светозар. Он выглядел злым, его глаза налились кровью, его трясло от гнева, густая остриженная борода с застрявшим в ней снегом добавляла его и без того суровому лицу, грозное выражение.

– Игорь! Что это за собрание без моего на то слова! – Крикнул он, едва ввалившись в мою комнату. – Я разрешения на это не давал!

– Ты забываешь, Светозар, что староста не ты, а я! – Решил я ему напомнить о том, кто в Игве главный.

– Ах, так! – Он внезапно изменился до неузнаваемости. Вместо показного недовольства и гнева, он предстал передо мной собранным, решительным, и обманчиво мягким голосом сказал. – Ну, это мы ещё посмотрим!

До вечера я чувствовал себя неудобно. Меня терзали недобрые предчувствия. Обычно шумное здание администрации опустело, хотя время было такое, что в ней должен был стоять ор и топот. Наконец, когда вечером стали прибывать руководители, я успокоился, но чувство тревоги не прошло.

Я заранее пришёл в зал для собраний и занял своё привычное место во главе стола. А люди всё прибывали и прибывали. Они здоровались со мной отстранённо, в то время как со своими товарищами они общались с удовольствием, ко мне никто из них не лез, как это было раньше, никто ко мне не обращался. Пришли сюда также и мои старые товарищи: Всеволод, Павел, Митрофан и другие, но места для них возле меня не осталось, поэтому они устроились рядом со своими подчинёнными. Последними появилась большая компания строителей во главе со Спиридоном и Светозаром. Последний, увидев меня в кресле главы поселения, немного стусебался, но тут же подхватил свободный стул и придвинул его к столу с противоположного от меня конца. Таким образом у нас появилось два полюса влияния, и я надеялся, что мой авторитет окажется выше чем авторитет Светозара.

Собрание взялся вести действующий староста Игвы.

– Здравствуйте! – Коротко обратился он к присутствующим. – Сегодня нам надо решить кой-чаво. – Он дождался, пока утихнут последние разговоры, я ждал, что он озвучит задачу строительства оборонительной стены, а он вместо этого спросил у собравшихся людей о другом. – Кому мы следующую хату строить будем?

Я от такой постановки вопроса опешил. Но присутствующие тут бригадиры наоборот оживились. В ходе пятиминутных разборок, в которых агрессивно настроенные группировки строителей, каменщиков, шахтёров и цеховиков постановили: для того, чтобы никого не обидеть, необходимо строить одновременно четыре дома для каждой группы влияния. Я чувствовал себя при этом балагане абсолютно лишним. Всеволод, Павел и Спиридон, наоборот, активно участвовали в обсуждении, отстаивая интересы своих людей. В конце концов, они сообща выбрали счастливых, которым собирались построить семейное гнёздышко за счёт казённых денег. Ими, от каждой из групп влияния, оказались какие-то незнакомые мне бригадиры от шахтёров, каменщиков, строителей и цеховиков.

Кроме того присутствующие обговорили очередность следующих растрат казны. Очередь за халявным жильём напомнила собранию о том, что они надеются и ждут того самого счастливого часа, когда им тоже возведут их собственные дома. Хорошо хоть плата за земельные участки с этих любителей дармовой жилплощади взималась согласно моему плану. Теперь этот план висел в этом же зале собраний. На огромном посеревшем полотне уже вывели имена тех, кто купил участок для своего дома, а также тех, кто за казённые средства получил новенький дом в личную собственность. Я посмотрел на этот план с неприязнью, все лучшие участки на нём уже были застроены, участки во второй зоне тоже уже были заняты домами, в третьей зоне часть участков была застроена, а другая часть уже была выкуплена. Мне в этом празднике жизни и халявы места почему-то не нашлось!

Светозар, одетый в красивую цветную рубаху и меховой кожух из белого меха, напрягся, видимо, почувствовал моё настроение. Люди потихоньку успокаивались, разговоры уже не гремели на всю комнату. Мой будущий тесть, мельком посмотрев на меня, как-то по-хитрому улыбнулся, встал из-за стола, опёрся на него кулаками и громко сказал, перекрывая все разговоры:

– А теперь предоставим слово Игорю! – Вот так, не старосте Игорю, не мастеру Игорю, а просто Игорю.

– Я рад видеть на этом собрании новые лица и старых знакомых! – Я улыбнулся присутствующим, оглядел недоумённые физиономии незнакомых мне людей, с интересом посмотревших на меня. Тут были и мои старые товарищи, которые смотрели на меня кто с одобрением, кто с какой-то надеждой что ли. Я остановил свой взгляд на лице человека, который сидел на противоположной стороне стола. – Хотел бы сообщить вам, что считаю необходимым немедленно бросить все силы на постройку укреплений вокруг Игвы.

– Игорь! – Светозар хитро улыбнулся. – Но ведь тогда нам придётся надолго остановить строительство всех домов!?

– Да. – Твёрдо сказал я.

Присутствующие удивлённо уставились на меня, затем послышались недоумённые возгласы, а потом по залу пробежал ропот, переросший в недовольный гул. Моё предложение достойному собранию не понравилось, его почти никто не поддержал. Васки и Григория на собрании не было. Женщин тут в моё отсутствие не жаловали, Захар с его людьми был в Кварте. Из старой гвардии в меньшинстве оказались молодые ещё парни: Всеволод, Митрофан и Вячеслав. Люди шумели, их набилось в зал совещаний под сотню человек, перекричать их было бы серьёзной проблемой. Поэтому я просто ждал. Гул обрёл нотки недовольства. Кричали что-то типа: «Где справедливость!?!», «Другим дома поставили, а мне?!», «Да, кто он такой!?!», «Наш староста – Светозар!» и прочее.

Большинство собравшихся уже были обязаны Светозару тем, что получили за счёт казны посёлка свои дома. Наконец, дождавшись, когда все немного утихнут, вдоволь насладившись недовольной реакцией на мои слова, Светозар вмешался, легко и непринуждённо перекрикивая шум, он заявил:

– Ну, чего вы на мастера болезного накиннулись! Человек только недавно с того света вернулся! – Сказал он, ухмыляясь себе в русую бороду. Он обрёл уверенность, глаза его блестели. – Игорь, как наш бывший староста может говорить всё, что ему хочется. Ну не будете же вы на него за это обижаться! Тем более, пока я староста, то последнее слово останется за мной! А моё слово вы уже слышали и не раз. Пока всем бригадирам дома не поставим, никаких других дел брать на себя не станем!

Собрание одобрительно загудело, некоторые тут же рассыпались в адрес своего лидера хвалебными речами. Громче других старался Спиридон, руководитель строительных бригад.

– Так что насчёт стен и укреплений? – Спросил какой-то шахтёр.

– А я разве строительство разрешил?! – Светозар уже улыбался. – Будем строить, как и планировали. Сначала построим дома для руководителей посёлка!

– А что нам укрепления не нужны? – Спросил я. Меня в шуме голосов услышал только Светозар.

– Почему же не нужны!?! Очень даже нужны стены, зятюшка! – Сказал он, лихо и с притворной эмоциональностью, ударив кулаком по столу. – Завтра же каменщикам скажем, чтобы продолжали возить камень для стен. Дороги-то, итак строить нельзя, кругом снег лежит! Вот пусть они камень для укреплений и запасают.

Собрание было в восторге от своего теперешнего старосты. Мои старые знакомые сидели молча, они избегали моих взглядов. Больше эти люди не казались мне своими. Кроме всего прочего, в посёлке появились также новые люди, которых я раньше никогда не видел. Светозара же эти люди знали и уважали. Мог бы я поднять вопрос о том, чтобы вернуть себе должность старосты посёлка!? Да, мог бы, но я чувствовал, что сегодня и в ближайшее время мой тесть уже купил лояльность руководителей, поэтому они снова выберут старостой его.

Внезапно я почувствовал неприятный запах, который витал в зале. Как я раньше его не замечал?! Сейчас от всех этих людей несло потом и грязными портянками. Мне стало противно до чёртиков, поэтому я поднялся и вышел. Меня не пытались остановить, собранию уже подали идею, что я немного не в себе, поэтому мои действия никого не удивили. Чего, мол, удивляться чудуку?

В тот момент пребывание в моём собственном посёлке показалось мне невыносимым.

Вместо того, чтобы пойти к себе в комнату, я решил выйти на улицу. На улице было свежо и красиво. Снег всё ещё падал, закрывая земной покров мягким белым покрывалом. Ветра почти не было, поэтому снежинки падали неспешно, показалось, что время вокруг меня сильно замедлилось.

Я осмотрелся вокруг себя. Дома пока что стояли не прикрытые белым пушистым одеялом, белый снег таял, соприкасаясь с крышами отапливаемых домов. Повсюду к тёмному вечернему небу поднимался тёмно-серый дымок. Пахло сосновыми дровами и какой-то кашей.

Улеглись первые эмоции, я попытался проанализировать своё текущее положение, но не успел. Рядом заржали руководители, собранию было весело. Они уже расходились шумными довольными группами, поскольку, кроме дележа участков, других дел у них не было. Многие собирались идти на постоянный двор, где можно было выпить пива или вина. Ко мне подошли старые знакомые: Всеволод, Павел, Вячеслав и Митрофан.

– Есть разговор, мастер Игорь! – Со мной заговорил тепло одетый Всеволод, которого вновь назначили руководителем каменщиков. Он всегда имел повышенное чувство справедливости. Я посмотрел на него с грустью. Рядом топтались бывшие мои работники. Всеволод

оглянулся на них и сказал. – Пошли-ка, ко мне ребята! Разговор предстоит долгий, нечего стоять тут и уши морозить.

Меня увлекли за собой. Я с трудом, немного запыхавшись, преодолел расстояние от администрации до красивого двухэтажного дома главного каменщика Игвы.

– Тут нас никто не побеспокоит. – Отметил Павел, который ещё год назад был моим напарником. Он кивнул в сторону двухэтажного деревянного дома, к которому нас привёл хозяин. Я с удовольствием отметил некоторые характерные особенности этого строения. Каркасная система, дощатые внешние стены, бутовый фундамент, ориентированный на юг балкон и терраса. Всё как на моём плане. Рядом стояли такие же дома по тому же моему проекту. Я поморщился. Дом Всеволода был поставлен на участке не то чтобы криво, нет! Этому я строителей научил. Однако, он был возведён на участке Всеволода немного глубже, чем следовало. А ведь я запроектировал в будущем строительство ещё одного дома, который бы аккуратно поместился между двумя соседними, при этом он бы занял точно такое же пространство, как и те, что находились бы от него справа и слева. Я вздохнул. Надо было сообщить строителям о своих планах заранее. Только пока никто из них не видел то, что видел я. А у меня перед глазами стоял город Игва! Большой, с плотной застройкой и красивыми фасадами город ремесленников. Знаменитый на весь Кварт, как своими изделиями, так и мастерами, продвинутой инфраструктурой, высокими социальными стандартами, особенный в том, что касалось вольностей и свобод его жителей.

Мы вошли в дом. Холостяцкое жилище Всеволода выглядело слегка заброшенным и пустым. У молодого парня не осталось родственников, он жил сам. Хозяин дома перехватил мой взгляд и весело сообщил:

– Не всем повезло найти себе хорошую подругу! – Он подмигнул мне. Пока мы рассаживались вокруг добротного стола, Всеволод вытащил бочонок с пивом, выставил кружки, достал сушёную рыбу и предложил Павлу:

– Наливай! – Сам же стал подбрасывать в свою печь кору и поленья. Подул на остывшие угли, появился дымок, кора и поленья загорелись, тогда он присел к столу. Павел уже разлил по кружкам пенистый хмельной напиток и с нетерпением тискал в руках свою кружку.

– Давайте выпьем за нашего настоящего старосту, мастера Игоря! – Предложил Всеволод. Все с радостью и удовольствием поддержали этот тост, мы подняли кружки и пригубили пиво.

– Что собираешься делать, мастер Игорь!? – плотник Павел уставился на меня, попутно, пережёвывая солёную рыбку. Я молчал, анализ произошедших событий я вынужденно отложил, а трепать языком попусту мне не хотелось.

– Светозар как тот медведь, – пришёл мне на помощь Всеволод, – который добычу схватил своими лапами, а отдавать не желает.

– Это да! – Согласился с ним Митрофан. – Светозар крепко за власть держится. Люди ему многим обязаны!

– Разве он их устроил в Игве? – Не согласился я.

– Всё так! Но того уже никто не вспомнит, кроме нас. – Вячеслав не собирался меня жалеть, и говорил неприятную правду, не заботясь о моих чувствах. – Много новых людей пришло в посёлок, а пока ты в больнице лечился, Светозар этих людей устраивал, работу давал, деньги платил, землю продавал, дома бесплатно строил. Теперь ему многие должны!

– И ты тоже ему должен!? – Подбросил я ему шальную мысль.

– И я, и все мы! – Наш главный учитель легко согласился с моим наблюдением. – Раньше я был человеком без роду и без племени! У меня своего ничего не было, разве что несколько книг и чернильница. А сейчас я на жаловании, у меня есть дом в самом центре посёлка, который вот-вот станет третьим городом Междуречья.

– Выходит ты тоже за Светозара!?

– Нет! Выходит, ты должен и мой дом для меня сохранить, и со Светозаром разобраться! А я уж тебя в этом поддержу. – Вячеслав ухмыльнулся и спрятался за кружкой пива, делая излишне длинный глоток.

– Теперь я буду знать, для чего нужны друзья! – Я не мог не язвить. На душе было гадко, но я понимал, что Вячеслав прав. Даже пиво и рыба, которую я так любил посмаковать, не лезли мне в глотку.

– Не горячись! – Предложил мне Митрофан. – Может оно и к лучшему!

– К лучшему?

– Ну, да! Женись на Олесе, и живи себе спокойно. – Митрофан судил меня со своей колокольни. Его бойкая жена со своей неуёмной энергией навела в его лавке порядок и легко могла бы справиться с работой без своего мужа, но всё же совсем заменить Митрофана она не могла. У кучерявого парня была та самая деловая хватка, которой не хватало многим энергичным людям и его жене в том числе. Лавочник продолжил свою мысль. – Светозар тебя без дела не оставит, а потом сколько Светозару ещё лет-то осталось?

– Лет десять, двадцать! Не меньше! – Сообщил Павел.

– Ждать это не вариант! – Отрезал я.

– А что ты сделать можешь? – Всеволод был серьёзен. – Вызовешь Светозара на бой? Так он тебя обратно в больницу отправит. А может и в темницу посадить, за ним ведь стражники остались!

– Пойду я! Поздно уже! – Я встал из-за стола. – Спасибо за пиво и за доброе слово. Я был разочарован тем, что эти люди никак не могли помочь мне вернуть моё поселение.

– Ты не сердись! Мы по-прежнему за тебя, староста Игорь! – Сказал Павел.

– Да! – Все дружно согласились с плотником.

– Это ничего не меняет! – Сказал я и эти дружеские посиделки в моих глазах сразу стали тем, чем и были с самого начала, а именно – попыткой подкупить их собственную совесть, загладить собственную вину. Как-то сразу сникли натянутые улыбки моих товарищей. А так хотелось, чтобы они были друзьями, с которыми не страшно идти куда угодно! Мне вдруг захотелось уйти и оставить всё это неискреннее радушие за дверью. – Доброй всем ночи!

Я шёл домой и меня трясло. У всех уже свои дома, а для меня дома не нашлось. Комната в администрации – вот всё что за мной признавали. Но это пока. Скоро меня поселят к Олесе, я растворюсь в Игве, как ложка сахара в стакане с горячим чаем. План Светозара прекрасно просматривался, мне не оставляли ни единого шанса вернуть себе Игву. А в случае, если я начну буянить, могли попросту выгнать взащей, навсегда запретив тут появляться.

Снег уже закончился, ночное небо сияло звёздами. Мне вдруг расхотелось возвращаться к себе. У меня ещё остался один настоящий друг, а точнее подруга. Я направился в конюшню. Новое здание, где содержали лошадей, охранялось. Ещё бы – столько дорогостоящего имущества, которое содержалось в ней. Но мне нужно было не имущество, а моя преданная подруга Травка.

– Стой! Куда прёшь!? – Незнакомый старикан преградил мне дорогу. – Проваливай, пока я стражников не позвал!

– Я мастер Игорь! – Старик поднёс фонарь к моему лицу, всмотрелся в него. Затем, видя, что я не шучу, нехотя отступил.

– Где Травка? – Я посмотрел вглубь, выискивая свою лошадку взглядом.

– Там она! Где же ей ещё быть?! В самом конце, слева. – Сообщил он. Вот оно как! Фёдор никогда бы не позволил такому случиться. Бедняга, так нелепо погиб. Я сжал зубы, а старик, тем временем, говорил о Травке. – Застоялась она. Забыли о ней все! Раньше-то, говорят, о ней бывший главный конюх лично заботился.

В этот момент мне стало очень стыдно за то, что я только сейчас вспомнил о своей лошади, а о Фёдоре не вспомнил вовсе! Надо бы найти его могилку, а заодно проведать Семёна и других парней, что погибли в те злосчастные осенние дни.

Я попросил у сторожа фонарь и пошёл в самый дальний конец конюшни. Внутри было значительно теплее, чем на улице. Конюшня была наполовину пустой. Часть коней находились где-то в пути. Стронга среди оставшихся тут лошадей не было, а в самом дальнем от входа стойле нашлась моя Травка. Я внезапно понял, что мой спонтанный приход на конюшню оказался неподготовленным. Я не прихватил с собой обычного лакомства, какое всегда старался взять сюда, когда посещал свою лошадку.

Травка меня узнала, радостно повела ушами, когда я позвал её, тихо отозвалась. Она переступала с ноги на ногу, показывая мне, что готова к выходу из конюшни. Я прошёл к ней, погладил её, прижался к ней головой. Умное животное почувствовало моё подавленное состояние и забеспокоилось. Мне хотелось заплакать, я еле сдержался. Вместо этого я подкинул Травке корма и, попрощавшись с ней, вышел на улицу.

Глава 2

Я проспал всё утро, потому что всю ночь мне снились какие-то ужасные сны, в которых я сижу на боевом коне, укрытом кольчугой, а впереди, передо мной на большом поле стоят две огромные армии. Слева, в первом ряду моей армии стоят щитonosцы с копьями, во втором ряду арбалетчики, а в третьем и четвёртом лучники. Все в стальных доспехах. Справа видны конные воины в красивых пёстрых одеждах поверх сверкающих доспехов. Это конные лучники. Передо мной отборная тяжёлая пехота в одинаковой форме.

А напротив нас расположилось войско врага. Чёрные стяги хищно хлещут на ветру. Пеший строй разномастных бойцов вытянулся в одну сплошную стену. Видно как в первом ряду вражеского войска пехотинцы потрясают своим оружием, стучат по своим щитам, и в такт стуку рвут глотки в жутком ритмичном выкрике. Врагов много, гораздо больше десяти рядов. Среди вражеского строя выделяются девять всадников. Других конных врагов нигде не видно. На всадниках нет никаких доспехов, но одеты они так, что сразу становится ясно – нормальный человек так одеваться не станет, а эти точно были ненормальными. В руках у каждого всадника длинный посох с навершием из маленького черепа. Было страшно представить, чьи это черепа. На теле чёрные длинные сутаны с капюшонами. Всё одеяние всадников было покрыто рунами и знаками, которые были для меня совершенно чужды. Ясно было одно – это как-то связано с магией. И впечатление было такое, что наездники и сами являются магами.

Во сне мне открываются новые жуткие детали. Например, лошади под всадниками не имеют глаз. В пустых глазницах сплошные раны, похожие на ожоги. Такое не могло случиться с бедными животными случайно. Отношение к этим извергам, творящим с бедными животными такое зло, становится резко отрицательным! У них нет ни чести, ни совести! Но к отвращению примешивается изрядная доля страха.

От магов веет ужасом и почему-то пахнет чем-то знакомым, высокотехнологичным. Так пахнет озон. Главный маг со шлемом из лосиного черепа поднимает свой посох вверх, параллельно земле и пехотинцы тут же смолкают. Слышен только бой огромных барабанов. Ритм этих барабанов нарастает, увеличивается, достигает пика, а затем, с последним самым мощным ударом, затихает. Вражеские маги в капюшонах тут же, не сговариваясь, но при этом одновременно, выдвигаются вперёд. Пехотинцы нестройной и неорганизованной толпой идут за ними следом, сохраняя постоянную дистанцию в полсотни шагов.

Я чувствую себя чужим в своём теле. Кажется, что моё тело действует отдельно от моего сознания. Приходится довольствоваться ролью пассивного наблюдателя. Я вижу, как моя рука поднимается вверх, приказывая всем нашим стрелкам приготовиться. Вражеские маги подходят на расстояние полёта стрелы, моя прямая рука опускается, вытягивается вперёд, указывая на врага, и в воздух взлетает туча стрел и болтов. Наши смертельные гостинцы не успевают пролететь и сотни шагов, как в тот же миг вражеский предводитель в костяном шлеме что-то кричит. Внезапный порыв бокового штормового ветра врывается в тучу смертельно острых снарядов, отклоняя их полёт, уводя их в сторону. А ветер тем временем крепчает и, продолжая кружиться, образует смерч, который подхватывает наши гостинцы, они беспорядочной шевелящейся массой начинают сбиваться в кучу. Через несколько секунд ветер так же резко исчезает, а наши смертельные подарки падают между двумя армиями грудой бесполезных острых, но уже безвредных палочек. Я приказываю всем приготовиться к бою, а тем временем восемь оставшихся магов указывают своими посохами на наших воинов и с их кончиков срываются белые молнии. Эти замысловатые, белые с голубым отливом, искрящиеся ослепительные ветви тянутся к копьям, щитам, шлемам и доспехам передних линий нашего войска. Соприкосновение электрических разрядов и металла взрывается искрами, криком и болью. Весь первый ряд тяжёлой пехоты, вместе с большей частью второй и третьей линий покорёженными куклами

корчится на земле. Я вижу, что и другим шеренгам повезло немногим больше, у всего войска полнейший ступор, поэтому никто так и не успевает выстрелить снова. В то же время мой конь, поражённый остаточным электрическим зарядом, падает, попутно выбрасывая меня из седла. Как только моё тело, преодолевая судороги, встаёт на ноги, на наши шокированные войска налетает вражеская пехота.

Меня не покидает ощущение беспомощности моего сознания, запертого в непослушном теле. Желание действовать не находит способа добраться до ниточек, способных руководить моим же телом. Зато отсутствие прямой нейронной связи с телом гарантирует мне определённый иммунитет перед болью.

А ведь боль, безусловно, ощущается моим телом. Моё тело пытается сражаться, но мышцы свело судорогой. Они не слушаются, враги тычут в моё тело своими копьями и бьют мечами. Великолепные стальные доспехи какое-то время держат удары, я оказываюсь в окружении нескольких врагов. Повсюду бойня, наших тяжёлых пехотинцев и копейщиков режут, они не в состоянии сопротивляться. Меня сбивают с ног, я падаю, оружия у меня уже нет, а вражеская пехота волной прокатилась по нам и пошла дальше, преследуя сопротивляющихся бойцов нашей армии. Меня достали несколькими ударами, но я всё ещё жив. Рядом стонут раненные товарищи, и в этот момент ко мне неспешно приближается маг в шлеме из лосиного черепа. Его конь с выжженными глазами осторожно ступает среди неподвижных тел. Вражеский полководец останавливает своего коня у моего тела, он смотрит на меня сквозь костяную броню своего шлема, и я вижу его покрасневшие веки и чёрные глаза, в них нет зрачков, отсутствуют белки глаз. Там только сплошная чернота, всепоглощающая и притягивающая мой взгляд. Я не могу избавиться от этого взгляда, он гипнотизирует и парализует меня, бездонная чернота глаз поглощает мою волю. Маг протягивает свою костлявую руку в мою сторону, он выкрикивает какое-то заклинание, его рука начинает дрожать от напряжения, а меня в это же время трясёт вместе с его рукой, я слышу, как мои рёбра и позвоночник хрустят от внешнего давления, а затем они с треском лопаются, продолжая сжиматься. Мои лёгкие с резким шипением и бульканьем выпускают последний воздух, моя собственная кровь заливает мои внутренности, мне хочется кричать от страха, но вместо этого я фонтаном изрыгаю из своего горла потоки крови и...

...просыпаюсь весь мокрый от пота, мои волосы наэлектризованы, как будто я только что пережил мощный удар электрического разряда. Ужас ещё никуда не ушёл, я закашлялся, кажется, от ужаса я забыл, как надо дышать, а в моих лёгких не осталось кислорода. Ласковые солнечные лучи коснулись моего лица, они подсказали мне, насколько холодно было в моей комнате, печка давно остыла, угли в ней погасли. Я с сожалением выбрался из-под тёплого одеяла и принялся растапливать печку заново.

Переключившись на бытовые проблемы, я начал расслабляться, меня понемногу отпустило ужасное видение из моего будущего. Безрадостная картина не вселяла в меня никакого оптимизма, но его итак было немного в моей теперешней жизни.

Я сел на кровать и посмотрел в окно. Солнце находилось по-зимнему низко, хотя уже наступило время обеда. Я пошевелил руками и ногами, не верилось, что я живой, настолько отчётливо я видел свой жуткий сон. Я потянулся, не вставая с кровати. Нужно как можно быстрее забыть этот кошмарный сон, дать мозгу почувствовать реальность. Я подумал, что раньше нельзя было себе представить такого, чтобы я мог спокойно проспать до обеда. Обязательно кто-то разбудил бы меня ещё до завтрака. А сейчас я оказался никому не нужен. Ну, разве что Олесе и ещё несколькими людьми. Подумать только, когда мы начинали строить Игву, в ней было всего-то пару жителей: я и Васька. А сейчас в моём посёлке насчитывалось около тысячи двухсот поселенцев. Опять я думаю о Игве, как о своей собственности, а ведь на самом деле у меня даже документов на неё нет.

Я решил не строить из себя жертву, надо было приводить себя в порядок и начинать действовать. Я оделся по-зимнему и вышел на улицу. Следовало выбираться из вороха проблем, связанных с моей болезнью, поэтому вначале я отправился на кухню, где раздобыл себе немного еды. Тут было на удивление мало работников. А раньше тут кипела жизнь, это было бурлящее новостями и пересудами женское царство.

Я прошёл в пустую столовую. В это время здесь ещё не наступил обед, а завтрак уже давно закончился. Теперь тут питались только люди, которым выплачивали пенсию, это были несчастные, у которых не осталось кормильца. Меня снабдили тарелкой овощного супа и двумя кусками хлеба. Деревянную ложку я, по местному обычаю, прихватил с собой из дома. Суп оказался на удивление вкусным, хотя по внешнему его виду и запаху этого нельзя было заметить. Пока я наслаждался его острым и солёным вкусом, появилась Надя. Та самая, что когда-то помогала Алевтине справляться с большим женским коллективом кухарок.

– Мастер Игорь! – Она поставила передо мной большую тарелку с варёными рёбрышками. От них пошёл такой одуряющий и приятно-пахнущий запах трав и мяса, что я еле сдержался, чтобы не наброситься на них.

Я степенно кивнул женщине, которую уважал за честность и открытость. Надя в то же время села напротив и поинтересовалась.

– Долго ли ты ещё будешь позволять этому бестолковому бородатому мужлану управлять нами?

Я посмотрел на неё с нескрываемым удивлением. Оказывается, она не была в восторге от нашего нового старосты. Обдумывая ответ, я продолжал работать ложкой. Миска быстро опустела и я, предвкушая радость от поедания свиных рёбрышек, придвинул к себе тарелку с варёным мясом.

Старшая кухарка ждала моего ответа с терпением, какое может быть только у настоящей мудрой хозяйки.

– Так вкусно! – Похвалил я, откусив порядочный кусочек мяса. – Вижу, ты продолжаешь пользоваться тем знаменитым рецептом обваливания мяса в пряных травах!?

– Было бы у меня настоящее мясо, ты бы у меня ещё и пальчики свои облизывал! – Это было сказано с полной уверенностью и некоторой грустью в голосе.

– А что, разве сейчас не так как раньше? – Я попытался разузнать, что думает эта женщина о сложившемся положении в Игве.

– Раньше было сложнее, но и веселее тоже. Мы жили дружно, у нас были важные цели. – Она вздохнула, подхватила крохотный кусок мяса с моей тарелки, и сказала. – Соли маловато.

– Да, что ты! – Искренне удивился я. – Соли в самый раз, восхитительный и неповторимый вкус. Я давно не ел ничего подобного.

Моя собеседница с подозрением посмотрела на меня, поняла, что я говорю то, что на самом деле думаю и, успокоившись, продолжила:

– Всё, что ты и мастер Василий говорили, вначале вызывало вопросы. Но затем, когда мы поняли, что если будем делать, как вы говорите, то наша жизнь станет намного лучше. – Поскольку я жевал и не мог ответить, Надежда продолжила свою мысль. – Я помню, как каждое новое здание добавляло нам уверенности и радости. А баня?! Да, я если хочешь знать уже без бани и жить не смогу! Как это замечательно, когда тебя по спине и по по... – она запнулась, но быстро выкрутилась, – ... и пониже, да берёзовым веничком! Эх!

– Угу.

– А школа!? Это же то, чего мне не хватало в жизни. Я теперь читаю рецепты из книги королевского повара! Я и представить не могла, как можно использовать некоторые продукты. А знаешь ли ты Игорь, что сейчас наши руководители питаются отдельно у себя дома. Либо в таверне на постоялом дворе, либо покупают еду в булочной и продуктовой лавке. Отдалились они от людей, мастер! Хорошо, что ты пришёл к нам на кухню. Все поварахи тебе рады.

Мы не любим нового старосту. Наше обеспечение сильно урезали, в результате простые люди питаются теперь хуже чем раньше. Алевтина ушла работать на постоянный двор, теперь она и её семья имеют собственное дело, а о нас вспоминают не часто.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.